

Международные отношения*Правильная ссылка на статью:*

Нгуен Ч., Понька Т.И., Чан Т., Нгуен А. Геостратегическое соперничество между США и Китаем в субрегионе Меконга (2009 – 2024) // Международные отношения. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.3.75390 EDN: NSIFNX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75390

Геостратегическое соперничество между США и Китаем в субрегионе Меконга (2009 – 2024)

Нгуен Чи Зунг

ORCID: 0009-0002-9462-9039

бакалавр; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ tridung156@gmail.com

Понька Татьяна Ивановна

ORCID: 0000-0003-4944-115X

кандидат исторических наук

доцент; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ ponka-ti@rudn.ru

Чан Тхи Ми Хань

ORCID: 0009-0000-6364-8427

бакалавр; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ tranmyhanh2812@gmail.com

Нгуен Ань Бао Хан

ORCID: 0009-0008-7521-8182

бакалавр; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ baohan11122003@gmail.com

[Статья из рубрики "МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2025.3.75390

EDN:

NSIFNX

Дата направления статьи в редакцию:

01-08-2025

Дата публикации:

08-08-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу эволюции геостратегического соперничества между США и Китаем в субрегионе Меконга в период с 2009 по 2024 год. Актуальность темы обусловлена усиливающимся соперничеством между США и Китаем за влияние в материковой части Юго-Восточной Азии, где субрегион Меконга превращается в ключевую арену стратегического противостояния с далеко идущими геополитическими и экономическими последствиями. Объектом исследования выступает геостратегическое соперничество между США и Китаем в субрегионе Меконга. Предмет исследования – стратегические цели, инструменты и подходы геостратегического соперничества США и КНР в регионе Меконга с 2009 по 2024 год. Цель исследования – выявить различия в стратегических целях, инструментах и подходах обеих держав, а также оценить влияние этих различий на трансформацию региональной архитектуры международных отношений. Методологическая основа работы включает неореалистскую теорию международных отношений и такие методы исследования, как контент-анализ, кейс-стади, генетическая история и сравнительная история. В результате выявлено, что Китай стремится к региональной гегемонии через инициативу «Пояс и путь», механизм Ланьцан – Меконг и контроль водных ресурсов, тогда как США делают ставку на мягкое сдерживание, управленческую поддержку и институциональное партнерство через Инициативу по Нижнему Меконгу и MUSP. Научная новизна исследования заключается в комплексном сравнительном анализе стратегий США и Китая в субрегионе Меконга на основе неореалистской парадигмы, с акцентом на институциональные механизмы влияния и трансформацию баланса сил. Работа вносит вклад в понимание механизмов влияния великих держав в условиях меняющегося баланса сил в материковой части Юго-Восточной Азии и может быть полезна при формулировании внешнеполитических стратегий малых и средних государств региона в условиях внешнего давления.

Ключевые слова:

Субрегион Меконга, Китай, США, геостратегическое соперничество, Пояс и путь, MUSP, LMC, водная дипломатия, региональная безопасность, международные отношения

Введение

Субрегион Меконга, включающий пять государств региона — Камбоджу, Лаос, Мьянму, Таиланд и Вьетнам — тесно связан посредством трансграничного течения реки Меконг. С населением более 70 млн человек данный субрегион представляет собой динамичный экономический центр, обладающий богатыми природными ресурсами и играющий важную роль в социально-экономической структуре материковой части Юго-Восточной Азии.

Богатые рыбные ресурсы нижнего течения реки приносят ежегодный экономический эффект, оцениваемый примерно в 17 млрд долл. США. В то же время гидроэнергетический потенциал и плодородные сельскохозяйственные земли превратили субрегион Меконга в одну из крупнейших житниц мира [24, с. 1711]. Однако значение субрегиона Меконга определяется не только его экономическим потенциалом, но и его особым геостратегическим положением. Находясь на пересечении евразийских, юго-западноазиатских, ближневосточно-североафриканских и северо-восточноазиатских коммуникационных осей, регион также соприкасается с выходом к Малаккскому проливу — одному из важнейших морских путей, через который проходит около 70–80 % импорта сырой нефти Японии и Китая [36, с. 2]. Благодаря такому положению, субрегион Меконга стал стратегической горячей точкой, где усиливается соперничество между глобальными державами.

С 2009 г. участие США и Китая фактически сформировало новую архитектуру субрегиона Меконга. Вашингтон запустил Инициативу по развитию Нижнего Меконга, впоследствии трансформированную в Партнёрство по Меконгу – США, с акцентом на прозрачность, устойчивое развитие и повышение управляемого потенциала стран региона. В противоположность этому Пекин продвигает механизм Ланьцан-Меконгского сотрудничества как инструмент расширения влияния в рамках Инициативы «Пояс и путь», акцентируя внимание на инфраструктурных инвестициях, контроле за водными ресурсами и государственно-ориентированной модели взаимодействия.

В отличие от большинства существующих исследований, фокусирующихся на одностороннем анализе стратегий либо США, либо Китая в субрегионе Меконга, данная работа предлагает сопоставительный анализ геостратегических подходов обеих держав в одном и том же региональном контексте. Целью данного исследования является анализ расхождений в стратегических установках, средствах и подходах двух ведущих держав, а также определение степени их воздействия на изменения в региональной архитектуре международных отношений. Новизна исследования заключается в выявлении принципиальных различий в целях, инструментах и методах реализации внешнеполитической стратегии Вашингтона и Пекина, а также в систематизации их долгосрочных стратегических установок по отношению к субрегиону.

Кроме того, статья предлагает комплексный анализ эволюции стратегии обеих держав с 2009 по 2024 год — от Инициативы по Нижнему Меконгу до Партнёрства по Меконгу с одной стороны, и от концепции добрососедства до Механизма Ланьцан – Меконг с другой, что позволяет выявить логику их взаимодействий в условиях трансформирующегося баланса сил. Такой подход позволяет не только глубже понять механизмы регионального соперничества, но и предложить более точную типологизацию инструментов влияния сверхдержав в субрегионе Меконга.

Теоретическая основа и методы исследования

Данное исследование опирается на теоретическую парадигму неореализма, позволяющую провести анализ поведения Китая и США в контексте стратегического соперничества в субрегионе Меконга. Согласно К. Н. Уолтцу [41], ключевой характеристикой международной системы является анархия — отсутствие централизованной власти, способной навязать порядок. В такой среде каждое государство вынуждено действовать на основе принципа самообеспечения, стремясь к высшей цели — выживанию и безопасности. Исходя из этого посыла, Уолтц утверждает, что государства в первую очередь стремятся к обладанию достаточной мощью для

самообороны. С другой стороны, Дж. Дж. Миршаймер^[21] полагает, что в условиях нестабильной системы и отсутствия доверия между государствами державы стремятся максимизировать относительную мощь, вплоть до достижения регионального господства, рассматривая это как способ обеспечения долгосрочной безопасности. Восхождение Китая и его активное расширение влияния в субрегионе Меконга — от инфраструктурных инвестиций до контроля над водными ресурсами — иллюстрируют эту логику: восходящая держава стремится к установлению регионального доминирования. В свою очередь, реакция США через такие инициативы, как Инициативу по развитию Нижнего Меконга и Партнёрство по Меконгу — США, отражает сдерживающую стратегию, направленную на поддержание статус-кво и баланса сил.

Таким образом, теория неореализма представляет собой надёжный аналитический инструмент для объяснения моделей поведения и корректировок политики в субрегионе Меконга, делая акцент на таких ключевых переменных, как власть, безопасность и выживание, которые определяют как действия держав.

В данной статье применяются качественные методы, включая контент-анализ, метод кейс-стади и анализ вторичных источников. Контент-анализ используется для систематического изучения документов, официальных заявлений, речей лидеров и научных публикаций, относящихся к политике Китая и США в субрегионе Меконга. Этот метод позволяет выявить отношение каждой из сторон к ключевым вопросам, таким как управление водными ресурсами, развитие инфраструктуры и geopolитическое позиционирование. Метод кейс-стади позволяет рассматривать субрегион Меконга как конкретный исследовательский случай, что создаёт условия для глубокого анализа сложных взаимодействий между государствами, а также специфических региональных факторов, влияющих на их поведение. Основные данные исследования получены из надёжных вторичных источников, включая: академические труды по международным отношениям, geopolитике Меконга и внешней политике Китая и США; аналитические отчёты ведущих исследовательских центров (Carnegie Endowment for International Peace, East-West Center, Stimson Center и ISEAS – Yusof Ishak Institute); официальные выступления высокопоставленных представителей США и Китая.

Кроме того, применяются методы исторического анализа, в частности генетическая история и сравнительная история. Метод генетической истории применяется для выявления происхождения и динамики развития политики и межгосударственного взаимодействия в субрегионе Меконга. Сравнительный исторический подход позволяет сопоставить стратегии соперничества США и Китая на различных этапах истории.

Результаты и обсуждение

Китай. С начала 1990-х гг. Китай стремится укрепить своё влияние на страны субрегиона Меконга, в частности через участие в сотрудничестве с Меконгской речной комиссией (Mekong River Commission – MRC) (в случае с MRC Китай сохраняет неопределённый формат участия в качестве так называемого «партнёра по диалогу» ^[18, c. 189]) и в рамках программы Расширенного субрегиона реки Меконг (Greater Mekong Subregion – GMS), преследуя цель утвердить собственную экономико-политическую роль и статус в регионе. В отличие от США, которые встраивают в свою стратегию взаимодействия с государствами субрегиона идеи распространения демократии, прав человека, верховенства закона и хорошего управления, Китай реализует более прагматичную дипломатическую линию. Она сосредоточена в первую очередь на развитии экономического сотрудничества, создающего конкретные и ощутимые выгоды

для всех сторон [43, с. 177]. Такой подход к сотрудничеству очевидно вызывает значительный интерес со стороны стран региона и позволяет избежать острых разногласий, связанных с вопросами внутреннего управления и политических ценностей.

Новый этап китайской дипломатии был ознаменован выдвижением «новой концепции безопасности» на заседании Регионального форума АСЕАН в 1997 году. В соответствии с данной концепцией, высшей целью Китая стало развитие диалога и сотрудничества с другими государствами для достижения стабильности и процветания в регионе. Эта цель подкреплялась дипломатическим лозунгом: «взаимное доверие, взаимная выгода, равенство и сотрудничество». Китай демонстрировал менее конфронтационный и более конструктивный подход в отношениях с государствами АСЕАН, стремясь убедить их в том, что «китайская угроза» является не более, чем иллюзией. После представления концепции безопасности Пекин также предложил политику добрососедства, основанную на принципе «дружить с соседями, проявлять добрую волю к соседям» (以邻为伴,以邻为善). Эта линия руководствуется идеалами «строительства гармоничных отношений, обеспечения стабильности и содействия процветанию с соседними странами» (睦邻、安邻、富邻) и ставит своей целью «мир, безопасность, сотрудничество и процветание» [39, с. 25–27].

При Си Цзиньпине Китай реализует стратегию «на Востоке — стабильно, на Севере — усиливаться, на Западе — продвигаться, на Юге — углубляться» (东稳, 北强, 西进, 南下), отражающую стратегическое видение транспортных выходов за пределы страны, которые формируют внешнюю буферную зону, обеспечивающую безопасность Китая. В этом контексте направление «Юг — углубление» акцентирует внимание на укреплении экономических связей с южными соседями, особенно со странами субрегиона Меконга [16, с. 75]. Какие же основные стимулы стоят за южной экспансии Китая?

Во-первых, субрегион Меконга — приграничная зона с китайскими провинциями Гуанси и Юньнань — играет важную роль в стимулировании экономического роста в слаборазвитых районах Юго-Западного Китая, одновременно формируя прямой транспортный коридор в Юго-Восточную Азию и к Индийскому океану. Благодаря своему стратегическому промежуточному положению этот регион рассматривается Пекином как традиционная сфера влияния, которую необходимо укреплять и интегрировать посредством инициатив по трансграничному инфраструктурному соединению [15]. Китай выделил около 5 млн долл. США на модернизацию водного транспортного маршрута в верховьях реки Меконг и дополнительно пообещал направить 20 млн юаней на проведение исследовательских работ по развитию железнодорожной линии, соединяющей восточную оконечность Сингапура с городом Куньмин. В области автомобильного и железнодорожного сообщения Пекин также осуществил ряд значительных инвестиций, включая 7,2 млрд долл. США в строительство железной дороги Вьентьян — Куньмин, 30 млн долл. безвозмездной помощи на строительство 85 км автомагистрали в Лаосе (в рамках проекта Куньмин — Бангкок), а также 500 млн долл. на подготовку и реализацию скоростной автомагистрали Пномпень — Локнин [2, с. 37]. Мотивация, стоящая за этими инвестициями, коренится в стратегии развития Юго-Западного Китая, с целью превратить его в ключевой узел стратегической инфраструктурной связности между Китаем и Юго-Восточной Азией.

Во-вторых, субрегион Меконга рассматривается Пекином как пилотная площадка для реализации таких инициатив, как «Один пояс, один путь» и «Сообщество единой судьбы»

[\[16, с. 76; 34\]](#). Китай является крупнейшим инвестором в наименее развитые страны региона, такие как Камбоджа и Лаос, а также важнейшим торговым партнёром для всех государств субрегиона [\[18\]](#). В 2023 г. общий объём товарооборота между Китаем и странами GMS составил 386,31 млрд долл. США, включая 171,2 млрд с Вьетнамом, 7,09 млрд с Лаосом, 174 млрд с Таиландом, 20,95 млрд с Мьянмой и 12,26 млрд с Камбоджей [\[2, с. 38\]](#). Китай шаг за шагом интегрирует нижнее течение Меконга в орбиту инициативы «Один пояс, один путь», тем самым усиливая экономическую зависимость стран региона, а также формируя рынки поставок сырья и материалов для внутреннего производства. Река Меконг занимает важное место в реализации инициативы «Один пояс, один путь», поскольку регион служит ключевым связующим звеном между Китаем и Западом через Китайско-Индокитайский экономический коридор (China-Indochina Peninsula Economic Corridor — CIPEC) и Китайско-Мьянманский экономический коридор (Sino-Myanmar Economic Corridor — SMEC) [\[42\]](#). Под лозунгом «совместное использование ресурсов и общее будущее» Пекин продвигает образ гуманной державы, которая берет на себя инициативу в формулировании новых принципов регионального сотрудничества.

В-третьих, на фоне активного расширения присутствия держав, таких как США, Япония, Республика Корея и Индия, в субрегионе Меконга посредством различных двусторонних и многосторонних механизмов сотрудничества, Китай стремится вернуть себе стратегическую инициативу путём наращивания целевых инвестиций и укрепления трансграничной инфраструктурной сети в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Создание экономических коридоров, таких как Куньмин – Вьентьян – Бангкок, Куньмин – Ханой – Хайфон и Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма, преследует две основные цели: содействие развитию южных провинций Китая и постепенное втягивание стран нижнего течения Меконга в экономическую орбиту Пекина [\[5, с. 40-41\]](#). Факт того, что Китай стал крупнейшим торговым и инвестиционным партнёром Лаоса и Камбоджи, а также реализует на территории субрегиона крупные инфраструктурные проекты на млрд долл. США, свидетельствует о системной стратегии расширения «мягкой силы». На 8-м саммите GMS (2024) премьер-министр КНР Ли Цян подчеркнул центральную роль Китая в развитии инфраструктурной связности, экономической интеграции и регионального сотрудничества со странами субрегиона Меконга. Он акцентировал внимание на таких инициативах, как внедрение системы виз Ланьцан – Меконг, модернизация энергетических сетей и расширение торговли. Китайский лидер также призвал страны GMS к реализации «подлинного многостороннего подхода» и к более тесной координации между GMS, LMC и «Один пояс, один путь» с целью создания « mega-рынка», динамичного и глубоко интегрированного [\[12\]](#).

Однако влияние Китая в регионе не ограничивается экономическими рычагами. Политика в сфере водных ресурсов также играет важную роль в китайской дипломатии. На территории Китая, в верховьях реки Ланьцан (китайское название реки Меконг), Китай эксплуатирует 12 крупных плотин с общей вместимостью водохранилищ более 50 млрд кубометров. Из них две плотины – Сяowanь и Нуочжаду – обеспечивают до 50% всей регулирующей ёмкости по бассейну реки Меконг [\[32\]](#). Эти водные ресурсы имеют стратегическое значение как для внутреннего экономического развития Китая, так и как инструмент реализации политики максимизации национальных интересов [\[8, с. 185\]](#). Следует отметить, что река Меконг играет ещё более критическую роль для стран нижнего течения. В настоящее время на её притоках и основном русле реализуется свыше 100 гидроэнергетических проектов [\[38\]](#), причём нижний бассейн обеспечивает 51% общего производства риса и 45% вылова рыбы в Лаосе, Камбодже, Вьетнаме и

Таиланде [29]. Несомненно, Меконг имеет решающее значение для продовольственной и экономической безопасности этих стран Юго-Восточной Азии [1, с. 48–49].

Ву Тхюи Чанг отмечает, что в засушливый сезон, когда уровень осадков в нижнем течении резко снижается, основная масса воды поступает из ледников Гималаев, протекающих по территории Китая. В результате Китай может контролировать до 40% водного потока в нижнем течении Меконга в засушливый период. Эксплуатация китайских гидроэлектростанций в верховьях лишь усугубляет ситуацию с засухами в странах ниже по течению. В ряде сценариев это даёт Пекину рычаг давления на эти страны, заставляя их принимать доминирующее положение Китая или сталкиваться с тяжёлыми экономическими и экологическими последствиями [2, с. 38–39]. На самом деле целый ряд научных исследований указывает на то, что экологические, экономические и продовольственные проблемы, связанные с рекой Меконг, вызывают серьёзные разногласия между Китаем и странами нижнего течения [3; 4; 7]. Такая угроза объективно вызывает жёсткое неприятие со стороны стран АСЕАН и противоречит заявленной политике добрососедства, а также стратегии «Юг — углубляться», проводимой администрацией Си Цзиньпина. С целью найти баланс между защитой национальных интересов и расширением влияния под имиджем «доброго соседа», Китай инициировал создание Механизма сотрудничества Ланьцан – Меконг как новой платформы взаимодействия, где Пекин выступает в роли основателя и ведущего актора.

Механизм сотрудничества Ланьцан – Меконг (Mekong-Lancang Cooperation – LMC) был учреждён в 2016 г. шестью странами: Китаем, Таиландом, Мьянмой, Лаосом, Камбоджей и Вьетнамом под лозунгами «взаимовыгодного сотрудничества» и «совместного развития». Согласно Саньяской декларации, принятой на первом саммите лидеров LMC, механизм строится на трёх ключевых опорах — политика и безопасность, устойчивое экономическое развитие и гуманитарные обмены — и включает шесть приоритетных направлений сотрудничества: развитие транспортной и логистической связности, промышленный потенциал, трансграничное экономическое взаимодействие, водные ресурсы, сельское хозяйство и борьба с бедностью [28, с. 691]. Тем не менее, за конструктивным подходом и принципами «невмешательства, консенсуса и взаимной выгоды» скрывается стремление Китая использовать LMC как инструмент реализации собственных национальных интересов, особенно в управлении водными ресурсами и формировании политico-экономического влияния в субрегионе. Китай активно продвигает предоставление льготных кредитов (включая 300 млн долл. США через Фонд LMC и 1,6 млрд долл. на поддержку промышленного и инфраструктурного сотрудничества), тем самым усиливая финансовую зависимость стран нижнего течения от Пекина [30].

Данный механизм позволяет Китаю уклоняться от полноценного участия в других многосторонних форматах (таких как Комиссия по реке Меконг, Программа развития бассейна Меконга при АСЕАН, Инициатива Нижнего Меконга), участие в которых могло бы ограничить его контроль над водными потоками реки Меконг [4, с. 172–173]. В отличие от этих платформ, LMC чётко отражает доминирующую роль Китая — не только в организационном и финансовом аспектах, но и в стратегическом плане. Бусбарата Понгписута отмечает, что LMC позволяет Пекину не только реализовать geopolитические амбиции в субрегионе реки Меконг, но и ослабляет традиционную роль Таиланда в субрегиональных институтах, создавая долгосрочные вызовы для единства АСЕАН — особенно в контексте растущего раскола между материковой и островной частью Юго-Восточной Азии [10, с. 5–7].

В целом, дипломатия Китая в субрегионе Меконга формируется под влиянием стратегии добрососедства и южноориентированного стратегического взгляда Си Цзиньпина. Пекин отдаёт приоритет развитию промышленного сотрудничества и реализации инициатив, таких как «Один пояс, один путь» и «Сообщество единой судьбы», с целью формирования благоприятной среды для защиты собственных интересов. Контроль Китая над тематикой, обсуждаемой в рамках Механизма сотрудничества Ланьцан – Меконг, а также тенденция выносить чувствительные вопросы в формальные, неэффективные структуры, свидетельствуют о стремлении Пекина использовать «мягкую силу», включая проблематику водных ресурсов в более широкий повесточный контекст на условиях, продиктованных самим Китаем.

США. С точки зрения стратегии, стремление сдержать влияние Китая в субрегионе Меконга является ключевым фактором, побуждающим США возвращаться в этот регион. Усилия сверхдержавы по расширению своего участия в Меконге начались ещё до того, как администрация Дональда Трампа в ходе своего первого срока открыто перешла к конфронтации с Китаем.

Исторически субрегион Меконга уже выступал в качестве центра или логистического узла в конфликтах между великими державами и странами Юго-Восточной Азии, особенно во время войны во Вьетнаме [\[16, с. 77–78\]](#). Уже в 1950-е гг. США стремились содействовать экономическому развитию стран региона, надеясь, что такие меры станут барьером против коммунистических восстаний [\[11, с. 291\]](#). В 1956 г. Совет национальной безопасности США пришёл к выводу, что страна должна «по возможности содействовать развитию бассейна реки Меконг как ядра регионального сотрудничества и взаимопомощи», чтобы «способствовать росту кооперации в этом районе и не допустить установления коммунистического влияния или господства в бассейне реки Меконг» [\[43, с. 182\]](#). Наиболее показательной инициативой США в тот период стало их активное участие в Комитете по Меконгу — предшественнике Комиссии по реке Меконг (Mekong River Commission — MRC), учреждённом в 1957 г. при участии Таиланда, Лаоса, Камбоджи и Южного Вьетнама. Однако США решили надолго покинуть этот регион после провала своей политики сдерживания коммунизма в Юго-Восточной Азии: поражение в войне во Вьетнаме привело к установлению коммунистических режимов в Лаосе и Камбодже в 1970-е годы.

Отсутствие США в субрегионе Меконга открыло относительно благоприятный период для расширения влияния Китая. Как уже было проанализировано выше, с момента внедрения политики «дружелюбного соседства» в 1990-х гг. Пекин смог реализовать ряд проектов экономического сотрудничества и способствовал углублению региональной интеграции. В противоположность этому, не наблюдалось никаких признаков активного участия США в нижнем течении реки Меконг вплоть до запуска политики «Поворота к Азии» администрацией Барака Обамы.

В рамках стремления изменить внешнеполитический курс от одностороннего действия (характерного для администрации Буша) к многостороннему сотрудничеству, в 2009 г. администрация Обамы инициировала стратегию «Поворота к Азии» [\[9\]](#). На министерской встрече АСЕАН в июле 2009 г. госсекретарь Хиллари Клинтон в официальном интервью подчеркнула, что «Америка вернулась» [\[26\]](#). В том же году США и Камбоджа, Лаос, Таиланд и Вьетнам (а позднее, в 2012 году, к ним присоединилась и Мьянма) договорились о сотрудничестве в рамках Инициативы по нижнему течению Меконга (Lower Mekong Initiative — LMI), основанной на четырёх ключевых столпах: охрана

окружающей среды, здравоохранение, образование и развитие инфраструктуры. LMI может рассматриваться как механизм, предназначенный для реагирования на строительство плотин Китаем в верхнем течении реки Меконг, что вызвало обеспокоенность в материковой части Юго-Восточной Азии по поводу возможных экологических и экономических последствий. Необходимо отметить природу LMI в контексте стратегического соперничества между Китаем и США: это — инициатива, запущенная и возглавляемая США, с целью сосредоточиться на субрегиональном сотрудничестве и устойчивом управлении водными ресурсами. Такой подход прямо контрастирует с амбициозными инициативами Китая в сфере экономической интеграции.

Инициатива LMI поддержала усилия Комиссии по реке Меконг (MRC) по созданию комплексной системы управления водными ресурсами региона, с учётом интересов всех стран-участниц [25, с. 648]. В рамках этой инициативы с 2009 по 2020 г. Соединённые Штаты выделили более 3,5 млрд долл. США на поддержку двусторонних и региональных проектов развития. В 2012 г. США обязались предоставить более 1 млн долл. США на исследования в области управления водными ресурсами и развития бассейна реки Меконг, а также 2 млн долл. США для оказания поддержки рыбакам в регионе [2, с. 39]. В 2011 году США также инициировали программу «Друзья нижнего течения Меконга», направленную на укрепление политического сотрудничества между странами региона и другими международными субъектами, включая Австралию, Европейский союз, Японию, Новую Зеландию, Южную Корею, Азиатский банк развития и Всемирный банк [35, с. 125].

При администрации президента Дональда Трампа жёсткая внешнеполитическая линия и призывы к экономическому противостоянию с Китаем оказали значительное влияние на ситуацию в субрегионе Меконга. В рамках стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», продвигаемой администрацией Трампа, именно этот субрегион рассматривался как одно из ключевых направлений, где принципы свободы подвергались наибольшим вызовам [16, с. 78]. Это поставило перед washingtonскими политиками острые вопросы относительно стратегических интересов США в данном регионе. Среди активных инициатив США в субрегионе Меконга можно выделить предложение о создании Инициативы по водным данным Меконга (MWDI) на 10-й встрече министров иностранных дел LMI в 2017 году, а также активное участие госсекретаря США Майкла Помпео в 11-й и 12-й министерских встречах LMI [16, с. 82].

Знаковым событием стал Первый министерский форум Партнёрства по Меконгу между США и странами региона, проведённый в онлайн-формате 11 сентября 2020 года. На этой встрече было официально объявлено о переходе к новой фазе сотрудничества — Партнёрству по Меконгу между США и странами региона (Mekong-US — Partnership MUSP), основанному на достигнутых результатах в рамках LMI. Стратегическая цель MUSP заключается в содействии «автономии, экономической независимости, эффективному управлению и устойчивому росту стран-партнёров по Меконгу», что, в свою очередь, направлено на снижение угрозы, исходящей от гидроэнергетической гегемонии Китая [25, с. 648–649]. Особую значимость MUSP вновь подчеркнул Майкл Помпео в пресс-релизе от 14 сентября 2020 г.: «Запуск Партнёрства по Меконгу между США и странами региона отражает важность субрегиона Меконга для Соединённых Штатов. Наши отношения с партнёрами по Меконгу являются неотъемлемой частью нашей индотихоокеанской концепции и стратегического партнёрства с АСЕАН». В этом же заявлении была озвучена сумма свыше 150 млн долл. США, выделенная в качестве помощи странам субрегиона Меконга, преимущественно в нетрадиционных областях — таких как безопасность и экономическое восстановление. В частности, 55 млн

предназначены для укрепления потенциала правоохранительных органов и борьбы с транснациональной преступностью; 52 млн — на поддержку восстановления после COVID-19; 33 млн — на развитие устойчивой энергетики; и 2 млн — на реализацию программ по борьбе с торговлей людьми [27].

В отличие от администрации Трампа, которая игнорировала координирующую роль АСЕАН в отношениях с государствами субрегиона Меконга, администрация президента Джо Байдена вновь подтвердила центральное значение АСЕАН в своей стратегии взаимодействия с этим регионом. Вашингтон выбрал тесное сотрудничество с АСЕАН в качестве официального канала для реагирования на региональные вызовы, подчёркивая важность долгосрочных решений, продвигаемых этой организацией [40]. По состоянию на 2021 г. Соединённые Штаты выделили более 4,3 млрд долл. США в виде помощи на развитие для реализации двусторонних и региональных инициатив в субрегионе Меконга [24, с. 1717]. США не только повысили уровень отношений с АСЕАН до «всеобъемлющего стратегического партнёрства», но и активно использовали существующие механизмы АСЕАН для расширения своего влияния в Юго-Восточной Азии.

Особенно показательной стала Специальная встреча на высшем уровне АСЕАН-США в 2022 г., в ходе которой Вашингтон вновь подтвердил свою приверженность поддержке стабильности и устойчивого развития субрегиона посредством Партнёрства по Меконгу между США и странами региона (MUSP) и других механизмов — на фоне усиливающейся конкуренции с Китаем за влияние [35, с. 126]. Тем не менее, некоторые исследователи указывают на фундаментальный недостаток стратегии Байдена: он уклоняется от переговоров о конкретных многосторонних экономических соглашениях с государствами субрегиона, что может ослабить экономические рычаги влияния Вашингтона [31, с. 147]. Несмотря на это, США по-прежнему стремятся сохранить своё влияние посредством действующих инициатив, таких как MUSP (прежде всего через планы действий на 2021–2023 и 2024–2026 годы [22; 23]), а также через активизацию сотрудничества с внешними партнёрами.

В целом внешняя политика Соединённых Штатов в субрегионе Меконга акцентирует внимание на таких ценностях, как демократия, верховенство права, открытая экономика и свобода мореплавания [6, с. 14; 37, с. 1271]. Это характерная черта внешнеполитического курса западных государств, отдающих приоритет «мягкому» подходу. В своих официальных заявлениях США позиционируют свои усилия как стремление содействовать сотрудничеству между странами субрегиона, укреплять их автономию и экономическую независимость перед лицом растущего влияния Китая. Согласно докладам East-West Center за 2020 г., общий объём торговли между США и странами субрегиона Меконга составил около 117 млрд долл. США [17; 20]. Однако по своему экономическому присутствию в регионе Вашингтон явно уступает Пекину. Китай является крупнейшим торговым партнёром всех материковых государств Юго-Восточной Азии, в то время как США не обладают заметным экономическим влиянием ни в Лаосе, ни в Мьянме. Хотя США остаются крупнейшим экспортным рынком для Вьетнама, Таиланда и Камбоджи, Китай быстро приближается к этим позициям, наращивая свои экономические связи с указанными странами [2, с. 40; 35, с. 126–127].

Это положение вещей во многом объясняется структурными стратегическими ограничениями, с которыми сталкиваются США. Находясь за тысячи километров по другую сторону Тихого океана, Соединённые Штаты не могут поддерживать такие тесные

связи с государствами Юго-Восточной Азии, какие возможны для Китая — с учётом географической, культурной и экономической близости. Кроме того, как морская держава, США не обладают реальными военно-стратегическими преимуществами в бассейне реки Меконг, где континентальное присутствие Китая значительно сильнее. Логично предположить, что в долгосрочной перспективе Вашингтон будет ограничивать своё вмешательство в регион до определённого уровня, учитывая отсутствие прямых жизненно важных интересов в этом пространстве [\[25, с. 649\]](#).

Необходимо учитывать, что проблемы, связанные с водными ресурсами бассейна Меконга, по-прежнему вызывают разногласия между нижними странами течения и Китаем. Это обстоятельство остаётся важным фактором, обеспечивающим интерес к американским инициативам со стороны стран субрегиона. Инициативы США способствуют мобилизации общественности в регионе, позволяя затронутым сообществам выразить обеспокоенность по поводу экологических последствий и получить необходимую поддержку для решения трансграничных проблем. Многосторонний подход США также способствует интернационализации проблем Меконга, привлекая к участию в процессе других средних держав, таких как Япония, Республика Корея, Австралия, а также международные институты, включая Азиатский банк развития, АСЕАН и Европейский союз.

Реакция стран региона. В условиях усиливающегося соперничества двух великих держав в субрегионе Меконга, государства региона демонстрируют различные подходы к выбору внешнеполитических стратегий. Такие страны, как Лаос и Камбоджа, склонны к сближению с Китаем. Камбоджа часто рассматривается как государство с «полусоюзовыми» отношениями с КНР [\[16, с. 90\]](#). Китай не только является крупнейшим иностранным инвестором в Камбодже, но и важнейшим источником внешней помощи, играя ключевую роль в развитии инфраструктуры и стимулировании экономического роста страны. С 1994 по 2021 год на долю Китая пришлось 43,9% всех прямых иностранных инвестиций в Камбоджу, что делает его крупнейшим инвестором [\[33, с. 66\]](#). Такое сближение обусловлено, прежде всего, острой потребностью Пномпеня в экономической поддержке и политических гарантиях, особенно на фоне растущей критики со стороны западных государств по вопросам демократии и прав человека [\[19\]](#). КНР, придерживающийся политики невмешательства и предоставляющей помощь без политических условий, стал привлекательным стратегическим партнёром для камбоджийского руководства, оказавшегося под угрозой международной изоляции и санкций со стороны Запада.

Сходную траекторию демонстрирует и Мьянма, которая также сближается с Китаем по политическим причинам и в ответ на давление со стороны западных санкций. В результате Пекин укрепляет своё влияние, выступая как единственный гарант экономической стабильности и дипломатической защиты для правящих элит этих государств.

Лаос, в свою очередь, представляет собой наиболее зависимую от Китая страну нижнего течения Меконга. Он получает масштабные инвестиции от Пекина, в частности в рамках проектов, реализуемых в рамках инициативы «Один пояс — один путь». Одним из ключевых примеров служит проект железной дороги Вьентьян-Ботен (Китай-Лаос), протяжённостью около 422км и общей стоимостью почти 6млрд долл. США. Около 60% этой суммы финансируется за счёт кредита Экспортно-импортного банка Китая, а оставшиеся 40% — из совместного предприятия, где китайская сторона владеет 70%

долей [14]. Кроме того, Лаос активно реализует крупномасштабные проекты по строительству гидроэлектростанций на реке Меконг, значительная часть которых финансируется китайским капиталом. Примерно 30% всех проектов в Лаосе с участием Китая направлены именно на развитие гидроэнергетики, что позволяет Вьентьяну продвигать стратегию превращения страны в «батарею Юго-Восточной Азии» [13].

С другой стороны, Таиланд и Вьетнам проводят более сбалансированную и автономную внешнюю политику. Это объясняется тем, что их совокупный национальный потенциал выше, чем у Камбоджи и Лаоса. Ещё одной причиной является географическое положение: как Вьетнам, так и Таиланд расположены в нижнем течении реки Меконг, и реализация любых гидроэнергетических проектов на её верхнем участке оказывает крайне серьёзное влияние на эти две страны. Данный географический фактор побуждает их занимать более жёсткую позицию по отношению к Китаю в вопросах, касающихся водной безопасности. Вьетнам и Таиланд проявляют осторожность, особенно в части получения финансирования из «Специального фонда LMC» и инфраструктурных кредитов. По состоянию на 2023 год Вьетнам утвердил 18 проектов на общую сумму 6,8 млн долл. США, а Таиланд — 77 проектов на сумму 20 млн долл. США. Для сравнения: Камбоджа — 80 проектов (более 31 млн долл.), Лаос — 80 проектов (~21 млн долл.), Мьянма — 106 проектов (~31,6 млн долл.) [25, с. 660]. Фактически именно Вьетнам и Таиланд стали главными партнёрами, с которыми Соединённые Штаты стремились углублять дипломатические отношения на протяжении последнего десятилетия [16, с. 87–88].

Тем не менее, важно учитывать тонкую дипломатическую позицию Вьетнама в отношении как Китая, так и США в условиях геополитического соперничества. КНР и Вьетнам провозглашают строительство социализма и сохраняют дружелюбные отношения как на двустороннем уровне, так и в рамках международных форумов. Однако эти отношения омрачаются территориальными спорами в Южно-Китайском море, а также проблемами, связанными с безопасностью водных ресурсов в бассейне Меконга. Конвергенция стратегических интересов между США и Вьетнамом в Юго-Восточной Азии может стать ключевым фактором, способным изменить баланс сил в регионе. И вопрос о том, на чью сторону склонится Вьетнам — в пользу США или Китая — приобретает всё более важное значение для прогнозирования будущей архитектуры региональной безопасности.

Заключение

Полученные в ходе исследования результаты показывают, что усиливающееся геостратегическое соперничество между Соединёнными Штатами и Китаем глубоко переосмысливает архитектуру безопасности в субрегионе Меконга. Этот процесс характеризуется разными подходами двух держав: с одной стороны, Пекин стремится к региональной гегемонии через многосторонние механизмы экономико-политического сотрудничества (BRI, LMC) и гидрополитические рычаги давления; с другой — США стремятся сдержать влияние Китая с помощью инициатив, направленных на повышение качества управления и устойчивого развития (MUSP). Геополитическое противостояние двух держав может вовлечь страны региона в потенциально непредсказуемые конфликты в будущем, особенно по вопросам, связанным с водной безопасностью.

Как показывают результаты исследования, подходы США и Китая к проблематике субрегиона Меконга принципиально различаются, и страны нижнего течения могут получить определённые выгоды, активизируя сотрудничество с обеими державами. С одной стороны, партнёрство с Соединёнными Штатами в рамках таких программ, как

MUSP, позволяет им нарастить потенциал в решении экологических проблем и вопросов водной безопасности в дельте Меконга. С другой стороны, участие в сотрудничестве с Китаем через LMC предоставляет возможность оказывать влияние на политику Пекина в области управления водными ресурсами. На определённом уровне вовлечённость стран континентальной Юго-Восточной Азии в инфраструктурные инициативы LMC также способствует сохранению дружественных экономических отношений с их северным гигантским соседом.

Работа вносит эмпирический вклад в изучение политико-экономических взаимодействий между государствами субрегиона Меконга. В более широком контексте работа также участвует в академическом обсуждении продолжающегося соперничества за власть между США и Китаем. Особенно актуально это в нынешних условиях, когда Дональд Трамп вновь избран президентом США, а политические ресурсы Вашингтона всё больше рассеиваются на другие направления. Несмотря на сохраняющийся антикитайский дискурс в риторике Трампа, его администрация сталкивается с более острыми вызовами в Израиле и на Украине. Это может способствовать снижению интереса США к проблемам субрегиона Меконга и открытию стратегического вакуума, который Пекин способен использовать для расширения своего влияния. Если подобное изменение баланса сил произойдёт в будущем, потребуется проведение новых исследований, направленных на выявление последствий такой трансформации.

Библиография

1. Бутко А. А. Развитие трансграничного речного сотрудничества в субрегионе Большого Меконга // Юго|Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 4, № 4 (57). С. 46-57. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-046-057 EDN: OIZLDL.
2. Ву Тхюи Чанг. Стратегия крупных держав в субрегионе Большого Меконга и возможности конкуренции с ними России: взгляд из Вьетнама // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 4. С. 33-46. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-4-33-46 EDN: VXSNQI.
3. Ефремова К. А. Региональное сотрудничество в зоне Большого Меконга и стратегии внерегиональных держав // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С. 85-92. EDN: VTLFCB.
4. Канаев Е. А. Китай, Вьетнам и проблема Меконга // Актуальные проблемы вьетнамоведения-2019: вьетнамо-китайские отношения после войны 1979 года: Сборник статей. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2019. С. 166-180. EDN: LZMCXJ.
5. Канаев Е. А. Логистика электронной коммерции в Субрегионе Большого Меконга // Юго|Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 1, № 1 (58). С. 31-44. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-1-1-58-031-044 EDN: WRLGEQ.
6. Кин Пхеа. Mekong cooperation frameworks and geopolitical dynamics: a Cambodian perspective // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 4. С. 6-20. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-4-6-20 EDN: LTSIAI.
7. Костюченко И. Г., Трошин А. А., Пале С. Е. Меконг как субрегион особых экономических интересов в начале XXI века // Экономические отношения. 2017. Т. 7, № 3. С. 287-294. DOI: 10.18334/ео.7.3.38057 EDN: ZIVRRL.
8. Нгуен Тхи Ким Ань. Позиция Китайской Народной Республики в отношении использования трансграничной реки Меконг: международно|правовой анализ // Азиатско|Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 182-199. DOI: 10.24866/1813-3274/2021-3/182-199 EDN: IEZZIN.
9. Amano K. China's Hydro|Hegemony and the United States in the Mekong River Basin // Academia Letters. 2021. Article 4419.
10. Busbarat Pongphisoot. Grabbing the Forgotten: China's Leadership Consolidation in

- Mainland Southeast Asia through the Mekong-Lancang Cooperation. No. 7. Singapore: ISEAS Yusof Ishak Institute, 2018. 8 p.
11. Chang F. K. The Lower Mekong Initiative & U.S. Foreign Policy in Southeast Asia: Energy, Environment & Power // Orbis. 2013. Vol. 57, No. 2. P. 282-299.
 12. China calls for enhancing Greater Mekong Subregion cooperation // The State Council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/news/202411/08/content_WS672d446fc6d0868f4e8ecb3e.html (дата обращения: 25.07.2025).
 13. China helps Laos tap hydropower potential, boosts electricity export // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202211/1280715.shtml> (дата обращения: 25.07.2025).
 14. China-Laos Railway Project Timeline and All You Need to Know // Construction Review Online. URL: <https://constructionreviewonline.com/project-timelines/the-completion-of-the-china-laos-railway-project-and-all-you-need-to-know/> (дата обращения: 25.07.2025).
 15. China's Hegemonic Choice in the Mekong Region // East Asia Forum. URL: <https://eastasiaforum.org/2019/08/30/chinas-hegemonic-choice-in-the-mekong-region/> (дата обращения: 25.07.2025).
 16. Duong Van Huy, Tran Thi Hai Yen. Rising Strategic Competition Between the United States and China in Mekong River Subregion // Journal Global Policy and Governance. 2021. Vol. 10, No. 2. P. 73-100.
 17. Eyler B., Weatherby C. The Mekong Matters for America and America Matters for the Mekong // East-West Center. URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/the-mekong-matters-america-matters-the-mekong> (дата обращения: 25.07.2025).
 18. Lim A. "China's 'Belt and Road' and Mainland Southeast Asia" // IPP Review. URL: [http://ipreview.com/index.php/Home/Blog/single/id/345.html](http://ippreview.com/index.php/Home/Blog/single/id/345.html) (дата обращения: 25.07.2025).
 19. Lim Ch. Reviewing China's Elite-Centric Approach in its Relations with Cambodia // ISEAS Perspective. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2023. № 101. 13 p.
 20. Limaye S. The US and the Mekong Region: Cooperation for Sustainable and Inclusive Economic Growth // East-West Center. URL: <https://www.eastwestcenter.org/sites/default/files/private/ewwire055limaye.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).
 21. Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W. W. Norton & Company, 2001. 555 p.
 22. Mekong-U.S. Partnership. Plan of Action 2021–2023 // Mekong-U.S. Partnership. URL: <https://mekonguspartnership.org/wp-content/uploads/2024/04/MUSP-Plan-of-Action-2021-2023.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).
 23. Mekong-U.S. Partnership. Plan of Action 2024–2026 // Mekong-U.S. Partnership. URL: <https://mekonguspartnership.org/wp-content/uploads/2024/08/MUSP-Plan-of-Action-2024-2026-1.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).
 24. Phan Thi Hai Yen. The Strategic Adjustments of the United States and China in Southeast Asia: A Case Study of the Mekong Subregion // International Journal of Religion. 2024. Vol. 5, No. 11. P. 1708–1722. DOI: 10.61707/scfwgv24 EDN: ICPOVU.
 25. Phan Xuan Dung. Vietnam's hedging amid U.S.-China Mekong rivalry: risk management under uncertainties // The Pacific Review. 2025. Vol. 38, No. 4. P. 646-674.
 26. Remarks by Secretary Clinton // U.S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/july/126335.htm> (дата обращения: 25.07.2025).
 27. Remarks: The Mekong-U.S. Partnership – the Mekong Region Deserves Good Partners // U.S. Mission to ASEAN. URL: <https://asean.usmission.gov/the-mekong-u-s-partnership-the>

- mekong-region-deserves-good-partners/ (дата обращения: 25.07.2025).
28. Ren Junlin, Peng Ziqian, Pan Xue. New transboundary water resources cooperation for Greater Mekong Subregion: the Lancang|Mekong Cooperation // Water Policy. 2021. Vol. 23, No. 3. P. 684-699. DOI: 10.2166/wp.2021.198 EDN: VUMTPJ.
29. Snapshot of the State of the Basin Report 2018 // Mekong River Commission. URL: <http://interactive.mrcmekong.org/sobr-2018-findings/economic-dimension/> (дата обращения: 24.07.2025).
30. Sovachana P., Murg B. J. The Lancang-Mekong Cooperation Mechanism: Confronting New Realities in Cambodia and the Greater Mekong Subregion // CSCAP Regional Security Outlook + ARF – The Next 25 Years 2019. Singapore: Council for Security Cooperation in the Asia Pacific, 2019. P. 48-51.
31. Stepanov A. S. US Policy towards Southeast Asia: from Barack Obama to Joe Biden // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. P. 1473–1478.
32. Stimson Center. Mekong mainstream dams. 2020. URL: <https://www.stimson.org/2020/mekong-mainstream-dams/> (дата обращения: 24.07.2025).
33. Strangio S., Li M., Li X. Local rivalries, foreign entanglements: the role of domestic politics in Cambodia's Chinese embrace // International Journal of Asian Studies. 2025. Vol. 22, № 1. P. 66-82.
34. Strategic competition between the US and China in the Mekong sub-region – impact on Vietnam // Southeast Asia Journal. URL: <https://www.tapchidongnama.vn/canh-tranh-chien-luoc-giua-my-va-trung-quoc-tai-tieu-vung-mekong-tac-dong-toi-viet-nam/> (дата обращения: 25.07.2025).
35. Tran Ngoc Dung. China-US Strategic Competition in the Lower Mekong Region and Vietnam's Position // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10. С. 122-131.
36. Tran Son Tung. The Impact of U.S.-China Strategic Competition in the Mekong Sub-region on Vietnam's National Interests // Journal of International Relations. 2025. Vol. 5, No. 1. P. 1-11.
37. Tran Thi Thanh Van. The adjustment of the US strategy towards ASEAN in recent years and the response of the Mekong sub-region countries // Edelweiss Applied Science and Technology. 2024. Vol. 8, No. 6. P. 1265–1274. DOI: 10.55214/25768484.v8i6.2236 EDN: OQWNZR.
38. Transboundary impacts of the Mekong River hydropower cascade // Vietnam Energy. URL: <https://nangluongvietnam.vn/tac-dong-xuyen-bien-gioi-cua-he-thong-bac-thang-thuy-dien-tren-song-me-kong-28206.html> (дата обращения: 24.07.2025).
39. Tung|Chieh Tsai, Ming|Te Hung, Tony Liu, Ting Liu. China's foreign policy in Southeast Asia: Harmonious worldview and its impact on good neighbor diplomacy // Journal of Contemporary Eastern Asia. 2011. Vol. 10, No. 1. P. 25-42.
40. U.S.|Indo|Pacific Strategy // The White House. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).
41. Walt K. N. Theory of International Politics. New York: McGraw|Hill, 1979. 251 p.
42. Xue Gong. The Mekong Region Is a Test of China's Global Development and Security Model // Carnegie Endowment for International Peace. 01.12.2023. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2023/12/the-mekong-region-is-a-test-of-chinas-global-development-and-security-model?lang=en> (дата обращения: 25.07.2025).
43. Yoshimatsu H. The United States, China, and Geopolitics in the Mekong Region // Asian Affairs: An American Review. 2015. Vol. 42, No. 4. P. 173-194.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемом исследовании выступает геостратегическое соперничество между США и Китаем в субрегионе Меконга, рассматриваемое авторами за период 2009-2024 гг.

Методология работы базируется на проведении контент-анализа официальных документов, речей лидеров, вторичных источников (научных публикаций и отчетов); исследование опирается на исторический анализ, проведенный для выявления эволюции стратегий за анализируемый период.

Актуальность исследования авторы связывают с тем, что из-за своего географического положения субрегион Меконга стал стратегической горячей точкой, где усиливается соперничество между глобальными державами.

Научная новизна исследования заключается в представленных результатах проведенного авторами сравнительного анализа стратегий США и Китая, систематизации эволюции политики двух стран, а также оценке роли АСЕАН в балансировании между двумя сверхдержавами.

Структурно в работе выделены следующие озаглавленные разделы и подразделы: Введение, Теоретическая основа и методы исследования, Результаты и обсуждение, Заключение и Библиография.

В публикации рассмотрены стратегические инициативы обеих держав, такие как китайское Ланьцан-Меконгское сотрудничество (LMC) и американское Партнёрство по Меконгу (MUSP), а также их влияние на безопасность, экономику и управление водными ресурсами в субрегионе Меконга, который включает Камбоджу, Лаос, Мьянму, Таиланд и Вьетнам. В работе показано, что Китай стремится к региональной гегемонии через многосторонние механизмы экономико-политического сотрудничества и гидрополитические рычаги давления, а США стремятся сдержать влияние Китая с помощью инициатив, направленных на повышение качества управления и устойчивого развития. Авторы считают, что geopolитическое противостояние двух держав может вовлечь страны региона в потенциально непредсказуемые конфликты в будущем, особенно по вопросам, связанным с водной безопасностью.

Библиографический список включает 39 источников – научные публикации российских и зарубежных авторов по рассматриваемой теме на русском и иностранных языках в отечественных и зарубежных журналах, а также интернет-ресурсы. В тексте публикации имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из резервов улучшения работы стоит отметить следующие. Во-первых, в статье не отражены такие важные элементы методологического аппарата любого научного исследования, как цель и задачи, предмет и объект, не сформулирована рабочая гипотеза, отсутствуют четкие формулировки элементов приращения научного знания, а также значимости полученных результатов для практики в современных условиях. Во-вторых, в статье недостаточно полно освещена реакция самих стран Меконга (например, Вьетнама и Таиланда) на соперничество США и КНР. Во-вторых, из раздела «Библиография» надо исключить Интернет-источники, включая информацию с сайтов, которые «упоминаются в тексте статьи в скобках, наряду с прочими комментариями и примечаниями авторов».

Тема статьи актуальна, материал соответствует тематике журнала «Международные отношения», отражает результаты проведенного исследования, может вызвать интерес у читателей, но нуждается в доработке в соответствии с высказанными замечаниями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают геостратегические подходы Китая и США к субрегиону Меконга и их влияние на формирование региональной архитектуры международных отношений. Научная актуальность работы связана с тем, что усиливающееся геостратегическое соперничество между США и Китаем в субрегионе Меконга требует комплексного анализа их различных подходов и воздействия на трансформацию региональной архитектуры международных отношений. Результаты исследования позволяют государствам субрегиона Меконга более эффективно выстраивать сбалансированную внешнюю политику, используя преимущества сотрудничества с обеими державами для решения проблем водной безопасности и устойчивого развития. Поэтому практическую значимость рецензируемой работы также следует признать весьма высокой. Автор достаточно обстоятельно подошел к тому, чтобы должным образом представить и аргументировать теоретико-методологическую базу своего исследования. Работа основывается на теоретической парадигме неореализма, позволяющей анализировать поведение государств в условиях анархичной международной системы через призму стремления к максимизации власти и обеспечения безопасности. Применяются качественные методы: контент-анализ официальных документов и заявлений, метод case study для глубокого изучения субрегиона Меконга, анализ вторичных источников включая академические труды и аналитические отчеты ведущих исследовательских центров. Используются методы исторического анализа — генетическая история для выявления динамики развития межгосударственного взаимодействия и сравнительная история для сопоставления стратегий США и Китая на различных этапах. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего речь идет о том, что в процессе исследования были установлены принципиальные различия в целях, инструментах и методах реализации внешнеполитической стратегии Вашингтона и Пекина в субрегионе Меконга. Кроме того, была выявлена логика развития стратегий США (от Инициативы по Нижнему Меконгу до Партнёрства по Меконгу – США) и Китая (от концепции добрососедства до Механизма Ланьцан – Меконг), демонстрирующая изменения в балансе сил в регионе за пятнадцатилетний период (2009–2024). Систематизированы долгосрочные стратегические установки обеих держав в региональном контексте и их эволюция за последние полтора десятилетия. Наконец, научный интерес представляет созданная автором типология инструментов влияния сверхдержав, включающая экономические, гидрополитические и дипломатические механизмы, что способствует более точному пониманию их стратегического взаимодействия в субрегионе Меконга. В структурном плане рецензируемая работа производит странное впечатление. С одной стороны, изложение достаточно логично и раскрывает основные аспекты проведенного исследования. С другой стороны, рецензент не устает удивляться странной моде, появившейся в последние годы: брать за основу структуру IMRAD, но начисто лишать эту структуру исходной логики, соединяя два ключевых раздела («Results» и «Discussion») в один странный мутант под названием «Результаты и обсуждение»! Как можно объединять два этих раздела в один? У них совершенно разные задачи! В разделе «Результаты» раскрываются (как следует из названия!) результаты проведенного исследования, а в разделе «Обсуждение» должна раскрываться значимость полученных результатов для конкретных областей научной дисциплины, конкретных теорий, методов и т.д.

Объединение этих двух разделов в один просто лишает их смысла! Автору следует учесть сказанное в будущих исследованиях. В тексте статьи выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность исследования геостратегического соперничества США и Китая в субрегионе Меконга, формулируются цель и задачи работы, раскрывается научная новизна сопоставительного анализа стратегий двух держав в едином региональном контексте; - «Теоретическая основа и методы исследования», где излагается неореалистическая парадигма как теоретическая основа и примененные качественные методы (контент-анализ, case study, исторический анализ) для изучения стратегий США и Китая в субрегионе Меконга; - «Результаты и обсуждение», где представлены основные результаты исследования, структурированные по трем блокам (стратегия Китая в субрегионе (от политики добрососедства до механизма Ланьцан-Меконг), стратегия США (от Инициативы по Нижнему Меконгу до Партнерства по Меконгу)), а также реакция стран региона на соперничество двух держав с выделением различных моделей внешнеполитического поведения; - «Заключение» где резюмируются итоги проведенного исследования и формулируются основные выводы о принципиальных различиях в подходах США и Китая к субрегиону Меконга, оценивается их воздействие на трансформацию региональной архитектуры безопасности, а также прогнозируются возможные сценарии развития ситуации в условиях смены политических приоритетов Вашингтона. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, использование канцеляризмов («в рамках стремления изменить», «по состоянию на 2021 г.» и др.) и плеоназмов («в ходе своего первого срока»); или некорректных сокращений, затуманивающих смысл сказанного, как в предложении «... Крупные инфраструктурные проекты на млрд долл. США»; и др.) и грамматических (например, пропуск дефиса в выражении «южноориентированный»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 43 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части работы. В числе достоинств рецензируемой статьи можно упомянуть достаточную глубину эмпирической базы и фактологической обоснованности работы, а также (во многом – как следствие предыдущего) сбалансированность и объективность изложения. Автор продемонстрировал впечатляющее владение конкретными данными, включая точные суммы инвестиций (например, 7,2 млрд долл. США на железную дорогу Вьентьян-Куньмин, 386,31 млрд долл. товарооборота между Китаем и странами GMS в 2023 г.), процентные показатели (43,9% прямых иностранных инвестиций Китая в Камбоджу с 1994 по 2021 год), а также владение специфической терминологией на китайском языке с точным воспроизведением иероглифов, что свидетельствует о серьезной исследовательской работе с первоисточниками. Кроме того, нельзя не отметить, что в тексте практически полностью отсутствуют односторонние оценки: автор демонстрирует взвешенный подход к анализу стратегий обеих держав, представляя как преимущества, так и ограничения политики США и Китая в регионе, а также учитывая различные модели реагирования стран субрегиона (от прокитайской ориентации Лаоса и Камбоджи до более сбалансированной позиции Таиланда и Вьетнама), что повышает научную достоверность исследования.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее структурные и стилистические недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, китаеведов, американистов, специалистов в области мировой политики и

международных отношений, геополитиков Юго-Восточной Азии, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Международные отношения». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.